

Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002.
Маловичко С. И. Социальная история // Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2014.

РГАЭ. Ф. 3429 (ВСНХ РСФСР и ВСНХ СССР).

Ретина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XIX вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

Харченко К. В. Власть – Имущество – Человек: передел собственности в большевистской России 1917 – начала 1921 г. М., 2000.

УДК 94(470.5).084.3:329.14

М. И. Вебер

БОРЬБА РКП(б) С ДРУГИМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ НА УРАЛЕ в 1919–1922 гг.¹

В статье анализируются основные этапы борьбы Коммунистической партии с другими социалистическими партиями в Уральском регионе на завершающей стадии Гражданской войны и в начале нэпа. Сделан вывод о том, что к концу 1922 г. коммунистам удалось полностью разгромить местные партийные организации прочих социалистических партий на Урале.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Урал, РКП(б), эсеры, левые эсеры, меньшевики, анархисты.

В результате Гражданской войны в России установилась однопартийная диктатура РКП(б), которая приложила максимум усилий для ликвидации в стране других социалистических партий.

В советской историографии этот вопрос затушевывался. Советские историки сознательно нивелировали роль Коммунистической партии в уничтожении в России многопартийности: в их работах проводилась мысль о том, что социалистические партии фактически самораспустились, утратив доверие народа.

Среди наиболее значительных научных работ советского периода, затрагивавших эту тему в общероссийском масштабе, следует отметить вышедшую в 1968 г. монографию Л. М. Спирина «Классы и партии в граж-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

данской войне (1917–1920 гг.)» [см.: Спирин]. На материалах Урала процесс ликвидации партии социалистов-революционеров рассмотрел пермский историк И. С. Капцугович, в 1975 г. опубликовавший монографию «История политической гибели эсеров на Урале», заключительные страницы которой посвящены периоду после окончания Гражданской войны [см.: Капцугович].

Современная российская историография добилась значительного прогресса в исследовании истории социалистических партий в период революционных трансформаций российского общества [см.: Суслов]. Квинтэссенцией новых подходов к изучению истории уничтожения коммунистическим режимом в Советской России многопартийности стала монография московского историка Д. Б. Павлова «Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х гг.», вышедшая в 1999 г. и рассматривавшая этот процесс в общероссийском масштабе – на основе широкого спектра исторических источников [см.: Павлов].

Не остался без внимания современных российских историков и процесс ликвидации местных партийных организаций социалистических партий в Уральском регионе. Среди научных трудов тех, кто обращался к этой теме в региональном масштабе, в частности, можно отметить кандидатскую диссертацию Е. Б. Сергеевой «Меньшевики в политической борьбе на Урале (1917–1924 гг.)», защищенную в Екатеринбурге в 1997 г. [см.: Сергеева].

На мой взгляд, на основе наработанного отечественной историографией обширного эмпирического материала можно выделить два основных этапа борьбы Коммунистической партии с другими социалистическими партиями на завершающей стадии Гражданской войны и в начале нэпа:

- 1) 1919–1920 гг.;
- 2) 1921–1922 гг.

Рассмотрим наиболее характерные черты этих этапов в масштабах всей страны.

Первый этап характеризуется тем, что в это время существовали фронты Гражданской войны и продолжалась полномасштабная война советского правительства с генеральскими диктатурами на окраинах страны, исход которой долгое время был неясен. В разгар Гражданской войны коммунисты, установившие на контролируемой ими части России однопартийную диктатуру, пошли на определенные послабления для других социалистических партий для того, чтобы усилить свои позиции в борьбе против белых.

В ноябре 1918 г. была легализована партия меньшевиков, в феврале 1919 г. – партия эсеров. В ноябре 1919 г. ВЦИК принял постановление об амнистии находящихся в заключении членов тех политических партий, которые объявили о мобилизации своих сторонников на борьбу с Деникиным. Под амнистию, в частности, попали члены партии меньшевиков и отколовшейся от партии эсеров группы «Народ».

Однако несмотря на определенные послабления, Коммунистическая партия продолжала преследовать активистов социалистических партий. Одиночные аресты не прекращались ни в 1919, ни в 1920 г., а в тех случаях, когда руководство РКП(б) опасалось растущей политической конкуренции, принимали массовый характер. Так, в начале 1919 г. серьезным репрессиям подверглись руководящие органы партии левых эсеров, так как лидеры РКП(б) опасались усиления влияния левых эсеров в рабочей среде.

Второй этап связан с усилением репрессий и полным уничтожением возможностей для ведения легальной политической деятельности: чем ближе была победа большевиков в Гражданской войне, тем более жесткой становилась политика Коммунистической партии по отношению к лидерам и активистам других социалистических партий. В результате зимой 1920/21 г. ВЧК был издан ряд нормативных актов, направленных на полную ликвидацию организационных структур социалистических партий и изоляцию их партийных лидеров и активистов.

В приказе ВЧК от 1 декабря 1920 г. устанавливалась конкретная программа действий по борьбе с социалистическими партиями:

«Для противодействия планам контрреволюционеров ЧК обязаны:

1. Выяснить и иметь на постоянном учете всех лиц, состоящих в настоящее время в ПСР правых, левых и центра, меньшевиков, народных социалистов, объединенной еврейской партии (Бунд), Поалей-Цион и других мелкобуржуазных народнических партий..., а также анархистов всех направлений.

2. За указанными лицами иметь неослабное наблюдение их знакомств, связей и т. д.

3. Влить в указанные партии и организации достаточное количество опытных, способных и вполне компетентных осведомителей, которым предписать принимать активное участие в их жизни» [цит. по: Павлов, с. 51].

Циркуляр ВЧК № 10 от 31 января 1921 г. «О партии социалистов-революционеров (правых и центра)» предлагал чекистам «вести работу на совершенное уничтожение и ликвидацию партии с.-р. как таковой» [цит. по: Там же, с. 176].

Наконец, приказ ВЧК № 52 от 28 февраля 1921 г. предписывал:

«Всем губЧека в самый кратчайший срок разбить аппарат эсеров и меньшевиков, для чего ВЧК приказывает:

1. Изъять в подведомственном Вам районе всех анархистов, эсеров и меньшевиков из интеллигенции, особенно служащих в земотделах, продорганах и распределительных учреждениях.

2. Изъять активных эсеров, меньшевиков, работающих на заводах и призывающих к забастовкам, выступлениям и демонстрациям. Действовать особенно осторожно по отношению к рабочим и принимать по отношению к ним репрессивные меры лишь при наличии конкретных данных об их контрреволюционной деятельности.

3. Решение об арестах лиц из рабочей среды принимать совместно с парткомами, и всю эту работу обязательно согласовать с ними» [цит. по: Павлов, с. 61–62].

В ходе исполнения данных приказов в 1921 г. в центре и на местах были практически полностью уничтожены аппарат и организационные структуры социалистических партий.

Для закрепления достигнутых результатов в 1922 г. коммунистическим режимом была запущена пропагандистская кампания по дискредитации лидеров социалистических партий. Для этого, в частности, в июле-августе 1922 г. был организован открытый судебный процесс над ЦК партии эсеров. В регионах агитационной работой руководили специально созданные «тройки», в состав которых входили секретарь губернского комитета партии, редактор официальной местной газеты и заведующий агитационно-пропагандистским отделом. Этот комплекс агитационных мероприятий завершил окончательный разгром оппозиционных социалистических партий.

Таково основное содержание борьбы правящей партии с другими социалистическими партиями в Советской России в 1919–1922 гг.

В чем заключалась региональная уральская специфика этих двух этапов?

Летом 1919 г. Красная армия, нанеся ряд чувствительных поражений вооруженным силам адмирала Колчака, заняла весь Урал. Не будет преувеличением сказать, что Колчак значительно упростил коммунистам борьбу с другими социалистическими партиями на Урале. Политический ландшафт в середине 1919 г. здесь разительно отличался от губерний Центральной России. Многие леворадикальные активисты социалистических партий на Урале были репрессированы колчаковским режимом, часть более умеренных представителей социалистических партий сотруд-

начала с этим режимом, работала в профсоюзах, органах местного и земского самоуправления и предпочла эвакуироваться вместе с отступающими колчаковскими войсками в Сибирь, не дожидаясь прихода красных.

Неудивительно, что в сентябре 1919 г. Уральский областной комитет партии эсеров не смог собрать и провести областную партконференцию из-за отсутствия полноценных партийных организаций [см.: Капцутович, с. 174]. В ноябре 1919 г. партийный инструктор, направленный ЦК партии эсеров для работы на Урале, доложил ЦК, что в Екатеринбурге осталось всего два активных партийных работника и 4–5 человек, поддерживающих связи с партией [см.: Там же]. Согласно этому же источнику, небольшие неорганизованные группы эсеров в тот период также существовали в Верхотурье, Нижнем Тагиле и Верхнем Уфалее. Кроме того, одиночные члены партии проживали в Невьянске, Каслях и в Черемисском.

Аналогичная Екатеринбургской губернии безрадостная картина состояния местных отделений социалистических партий после отступления колчаковцев имела место и в соседней Пермской губернии, где, согласно отчету Пермской губчека, во второй половине 1919 г. в общей сложности был поставлен на учет всего 31 человек, считавшийся политически неблагонадежным, в том числе 3 меньшевика, 3 эсера, 2 правых эсера, 2 левых эсера, 1 сочувствующий анархистам [ПермГАСПИ, ф. 557, оп. 1, д. 10, л. 125]. Кроме того, Пермская губчека установила негласный надзор за 98 лицами, в том числе 4 меньшевиками, 10 правыми эсерами, 2 левыми эсерами [см.: ПермГАСПИ, ф. 557, оп. 1, д. 10, л. 125].

Таким образом, итоги правления на Урале колчаковского режима существенно облегчили работу созданных коммунистами органов госбезопасности, которым требовалось лишь не дать остаткам актива социалистических партий сорганизоваться и начать вести в регионе хоть сколько-нибудь масштабную политическую деятельность.

Стоит оговориться, что перед исследователями истории социалистических партий в период утверждения в России коммунистической диктатуры довольно остро стоит проблема достоверности исторических источников. Как правило, основным источником сведений о нелегальной деятельности социалистических партий для историков служат информационные сводки, которые сотрудники ВЧК – ОГПУ готовили для информирования партийного руководства в центре и на местах. Однако зачастую чекисты выдавали желаемое за действительное – для улучшения показателей своей работы и продвижения по службе или же просто в силу невысоких аналитических способностей работников информационных отделов, низкого уровня ведения следствия и плохой подготовки осведомителей.

Например, в информационном бюллетене Пермской губчека № 51 за 28–30 ноября 1919 г. сообщалось, что чекистам удалось выйти на след подпольной меньшевистской организации, которая в ночь с 27 на 28 ноября 1918 г. расклеила контрреволюционные листовки на заборах и стенах по ул. Обвинской в Перми [см.: ПермГАСПИ, ф. 557, оп. 1, д. 10, л. 80]. По информации губчека организация состояла из рабочих главных железнодорожных мастерских, а возглавлял ее рабочий кузнечного цеха Костарев. Однако утверждение пермских чекистов о том, что ими была раскрыта подпольная организация именно меньшевиков, вызывает серьезные сомнения, так как листовки, расклеенные в Перми, призывали «к восстаниям против коммунистов (большевиков), латышей и евреев, как надсмеявшимся над русским народом и осквернившими святыни» [Там же] – лозунги, максимально далекие от политической программы меньшевиков.

Таким образом, информационным сводкам не всегда можно доверять. Для того чтобы минимизировать риски некритичного восприятия информации, содержащейся в информационных сводках, необходимо сопоставлять содержащиеся в них сведения с материалами архивно-следственных дел, которые, к сожалению, далеко не всегда доступны исследователям.

По моему мнению, второй этап борьбы Коммунистической партии с другими социалистическими организациями на Урале не имел ярко выраженной региональной специфики. Рассмотрим, как он протекал в 1921 г. на примере Ирбитского уезда Екатеринбургской губернии.

Согласно отчету о работе Ирбитского политбюро за май–ноябрь 1921 г. к 1 мая 1921 г. в сравнительно небольшом по численности населению Ирбитском уезде «на учете состояло около 100 чел[овек], заподозренных и установленных в принадлежности к антисов[етским] партиям, на каждого из них было заведено агентурное дело и велось наблюдение через осведомительный аппарат» [ГА в г. Ирбите, ф. Р-194, оп. 1, д. 34, л. 140 об.]. В целом, ни одна партия ничем себя не проявляла и не вела в уезде партийной работы. Некоторым исключением была лишь местная группа левых эсеров, которая получала партийную литературу из Москвы. В конце мая 1921 г. к ирбитским левым эсерам приезжал из Москвы представитель руководства партии [см.: Там же]. Сотрудниками Ирбитского политбюро было устроено за ним наружное наблюдение. Естественно, что работать в таких условиях было затруднительно и вскоре посланец центра уехал из Ирбита.

В июле 1921 г. сотрудникам Ирбитского политбюро удалось раскрыть в уезде подпольную группу анархистов [см.: Там же, л. 141]. По информации ирбитских чекистов, выявленная ими группа поддерживала связь

с ЦК Федерации анархистов (видимо, речь идет о Всероссийской федерации анархистов-коммунистов, лидером которой был А. А. Карелин), но активную работу в уезде не вела. Характерно, что все анархисты имели членские билеты ЦК Федерации анархистов и одновременно состояли членами РКП(б). Вероятно, членство в Коммунистической партии рассматривалось анархистами как своеобразная маскировка, выводящая их из-под подозрений органов госбезопасности.

17 августа 1921 г. Ирбитский уездный исполком Совета депутатов предписал политбюро составить списки заподозренных в причастности к антисоветским политическим партиям граждан Ирбитского уезда [ГА в г. Ирбите, ф. Р-194, оп. 1, д. 34, л. 141]. Их намеревались использовать на работах, организованных Утрудкомом.

Для работы по выявлению подпольного актива политических партий Ирбитским политбюро за май-ноябрь 1921 г. было завербовано 20 осведомителей [см.: Там же]. С помощью сети осведомителей к осени 1921 г. Ирбитскому политбюро удалось проверить информацию о всех лицах, состоявших на учете в милиции и политбюро как членах антисоветских политических партий. В результате многие из них «оказались членами РКП, многие – совершенно не грамотные, не разбирающиеся в политических вопросах и многие – определенно стоящие на платформе Сов[етской] власти» [Там же]. По результатам анализа собранной информации уполномоченный Ирбитского политбюро направил доклад в Екатеринбургскую губчека для снятия с учета части лиц, как политически благонадежных.

Приведем в качестве примера справку, составленную в августе 1921 г. Ирбитским политбюро на одного из таких жителей уезда, состоявшего на учете в качестве члена партии меньшевиков, но признанного политически благонадежным:

«Казанцев Евграф Васильевич

Происходит из граждан Ирбитского уезда, Ирбитско-Заводской волости и завода, социальное положение – рабочий, в 1918 г. принадлежал к партии меньшевиков, к Советской власти относился враждебно, по прибытии Колчака остался на месте и занимал должность Председателя земской управы, после работал членом Кредитного товарищества, по приходе Советской власти в 1919 г. Казанцев первое время работал там же до реорганизации такового, после чего поступил на службу в Упродком на должность приемщика продуктов и был избран в кооператив правления Центролавки, во всей вышеуказанной работе проявлял максимум энергии и работал добросовестно, после чего вступил в члены РКП и нарушений партийной дисциплины за ним не замечалось, его взгляды на проводимую политику Советской власти, как [у] коммуниста, политически благонадежен» [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 349, л. 5].

21 августа 1921 г. Екатеринбургская губчека разослала уездным политбюро телеграмму за № 1025 с требованием временно изолировать (т. е. заключить в концлагерь) активно выступающих правых эсеров. В Ирбитском уезде эта мера была применена к двум человекам [ГА в г. Ирбите, ф. Р-194, оп. 1, д. 34, л. 141]. В общей сложности за май-ноябрь 1921 г. Ирбитским политбюро было возбуждено и расследовано самостоятельно либо передано в Екатеринбургскую губчека или следователям народных судов 38 следственных дел о принадлежности жителей Ирбитского уезда к тем или иным политическим партиям [см.: Там же].

То, что происходило в Ирбитском уезде в 1921 г., – довольно типично для всего региона в целом. Тотальная слежка органов госбезопасности за всеми подозрительными лицами, превентивные аресты активистов политических партий и лиц, заподозренных в политической неблагодетельности, пресечение малейших попыток вести организованную политическую деятельность – таковы были реалии нового советского общества.

1922 г. на Урале, как и по всей стране, прошел под знаком массовой агитационно-пропагандистской кампании по дискредитации лидеров разгромленных коммунистами в 1921 г. социалистических партий. О ходе показательного политического процесса над партией социалистов-революционеров регулярно писала крупнейшая региональная газета «Уральский рабочий», в регионе проводились массовые митинги с осуждением эсеров и их лидеров.

Закономерным следствием политики правящей партии в 1919–1922 гг. стала практически полная ликвидация организованной деятельности социалистических партий на Урале к концу рассматриваемого периода. Так, в 1922 г. в Екатеринбургской губернии, по данным ОГПУ, насчитывалось всего 11 меньшевиков [см.: Павлов, с. 81].

ГА в г. Ирбите. Ф. Р-194 (Ирбитский уездный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, г. Ирбит Екатеринбургской губернии).

Капузович И. С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975.

Павлов Д. Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х гг. М., 1999.

ПермГАСПИ. Ф. 557 (Пермский губернский комитет РКП(б)).

Сергеева Е. Б. Большевики в политической борьбе на Урале (1917–1924 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997.

Стирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне (1917–1920 гг.). М., 1968.

Суслов А. Ю. Социалистические партии в Советской России : отечественная историография. Казань, 2006.

ЦДОСО. Ф. 76 (Екатеринбургский губернский комитет РКП(б)).